

Поскольку на карту были поставлены человеческие жизни, в школу вскоре прибыли полиция и школьная полиция, и охранники сразу же закрыли драмкружок.

Трансляция заикливалась: «Студенты драмкружка, пожалуйста, оставайтесь на месте, не бегайте!!! Не бегайте!!! Не бегайте!!!»

Так как большинство учеников школы богаты и знамениты, школьное начальство не решилось медлить. Не прошло и пяти минут, как в кампус въехала машина скорой помощи и остановилась перед драмкружком. Наблюдать за весельем было в человеческой природе, и вскоре почти половина школы собралась перед драмкружком.

Хэ Чэн бросился за кулисы и увидел, как Ся Юбинь разговаривает с другим парнем: «Брат Юбинь, что происходит, я слышал, что приехало много полиции?»

Ся Юбинь понятия не имел, что он ел, и медленно проглотил это: «Мы тоже не знаем».

Он коснулся ногой стула в первом ряду и спросил: «Чжоу Цянь, ты совершил еще одно преступление?»

Чжоу Цянь был очень известен в школе. Его семья была ведущим медиа-боссом в стране, и было сказано, что учителя были очень вежливы с ним из-за глубокого происхождения его семьи. Когда он был ребенком, его правый глаз был травмирован из-за небрежного ухода родителей, а его зрачок был светло-серого цвета. Он носит длинную челку, закрывающую половину лица, чтобы заблокировать гетерохроматический зрачок.

Неизвестно, было ли это из-за его физического недостатка, но он особенно любил издеваться над маленькими мягкими красотками. Любой симпатичный ученик из немного более слабой семьи будет вынужден стать его маленьким бойфрендом, он поиграет с ним какое-то время, ему надоест, а затем он его бросит.

Но его репутация во внешнем мире исключительно хороша. Так что, даже если случится что-то скандальное, его семья сразу же уладит дело деньгами.

Чжоу Цянь отщипнул арахис и поднес его к носу, закрыл глаза и сделал глубокий вдох, затем удовлетворенно положил его в рот, жуя и смеясь одновременно: «У меня не было времени совершить преступление, пока что. Даже если бы я это сделал, осмелилась бы полиция арестовать меня? Мой дедушка.....»

Прежде чем он успел договорить, на задний план выбежала группа полицейских, указывая на него и суровым голосом говоря: «Это он, быстро! Он все еще ест!»

Чжоу Цянь на мгновение замер и уже собирался наброситься, когда врач в белом халате бросился вперед, сжал его шею, сложил два пальца вместе и воткнул их прямо ему в горло.

Прежде чем Чжоу Цянь успел среагировать, его вырвало с громким «вау».

Когда его вырвало, полицейский спросил: «Кто-нибудь еще ел арахис Ся Циншу?»

Ся Юбинь поджал губы и молча отступил на шаг. Примерка за кулисами была маленькой, обычно заставленной небольшим количеством реквизита для макияжа, и в это время она была заполнена вродой Чжоу Цяня, вонявшей так плохо, что люди хотели плакать.

Один за другим люди входили позади них, и Ся Юбинь и Хэ Чэн оказались заблокированы перед дилеммой.

«Эти двое студентов, вы ели арахис одноклассника Ся Циншу?» — спросила полиция.

По пути они связались со школьной полицией, чтобы передать наблюдение, и обнаружили, что это Чжоу Цянь взял закуску Ся Циншу и положил что-то еще в школьную сумку Ся Циншу. Потому что это произошло в школе, а учитывая, что школьные хулиганы в основном работают группами, боялись, что может быть утечка.

Хэ Чэн покачал головой: «Нет!»

Ся Юбинь тоже последовал за ним и медленно покачал головой, колеблясь, прежде чем сказать: «Нет.....»

"Это хорошо!" Полицейский обошел их двоих и подошел к Чжоу Цяню, чтобы спросить: «Кто-нибудь еще ел арахис одноклассника Ся Циншу?»

Чжоу Цянь, которого внезапно заставили вырвать, голова кружилась, и он просто неосознанно оглянулся. Парамедики рядом с ним положили его на носилки: «Скорее, отвезите его в больницу, чтобы сделать промывание желудка! Задавайте вопросы по ходу!»

Ситуация была очень срочной. Это был первый раз, когда Чжоу Цянь оказался в таком беспорядке, когда с ним возились, как с тряпичной куклой. Лицо Ся Юбиня побледнело, и он слабо спросил: «Что не так с арахисом?»

Полицейский сказал очень серьезно: «Это арахис, которым семья одноклассника Ся Циншу накачивала крыс, они ядовиты!»

Сказав это, он побежал за носилками Чжоу Цяня: «Чжоу Цянь, одноклассник, кто еще ел арахис?!»

Лицо Ся Юбиня помрачнело, и он быстро последовал за ним, осторожно потянув полицейского за рукав: «Полицейский, я, кажется, я случайно съел их».

Полицейский остановился как вкопанный: «Ты ел или нет? Ты не знаешь, ел его или нет? Ты еще трезв, одноклассник? Можешь говорить яснее?»

Вопрос полицейского был очень строг, а в глазах его было смутное чувство пренебрежения и презрения. Он слышал, что ученики этой школы были из очень обеспеченных семей, так как же они могли красть арахис у других. Теперь ситуация была критической, и они отказывались признавать это добровольно, опасаясь прослыть запугивателем своих одноклассников.

Полицейский, повидавший много людей, сразу увидел маленький ум Ся Юйбиня и безжалостно заговорил. Ся Юбинь был ошеломлен на месте, его глаза затуманились, а его агрессия почти материализовалась.

Хэ Чэн не мог больше терпеть, поэтому он прикрыл Ся Юйбиня за спиной и выдавил: «Как брат Юбинь мог украсть арахис у Ся Циншу! Брат Юбинь только что сказал, что не ел его! Вы можете идти сейчас!»

Полицейский не мог отнять жизнь напрасно и остановился, его острый взгляд был устремлен на Ся Юйбиня: «Этот ученик, я спрашиваю еще раз, ты его съел? Если не скажешь правду, скорая уедет позже, а если затянешь свое состояние, то умрешь».

Только когда он услышал слово «умереть», Ся Юбинь кивнул головой со слезами на глазах и грустно сказал: «Да».

«Это дал мне Чжоу Цянь, я не знал, что это Ся Циншу.....».

Он не успел договорить, когда двое медработников подбежали к нему сзади, пытались схватить его, как цыпленка, зажимая ему рот и засовывая руки ему в горло, чтобы вызвать рвоту. Менее чем через пять минут на форуме была размещена фотография Ся Юбиня в розово-красной, нетрадиционной, дырявой футболке, которая была вся в рвоте.

[Это старший Юбинь? Что происходит? Я прекрасно знаю, что красивые братья могут гадить и пердеть, но это так разочаровывает!

[Я слышал, что он и Чжоу Цянь запугивали своего одноклассника и были убиты в ответ!

[Не могу поверить, что он с ним!]

[Молодец! Школьные хулиганы отправляются в ад!]

[Ся Юбинь болен, как он мог тусоваться с Чжоу Цянем!]

Звук машины скорой помощи эхом разносился по кампусу, и для ушей Ся Циншу он был похож

на стоны умирающего пациента. Стоны-

«Мертвый~~~ мертвый~~~ мертвый ~~~»

Очень приятно.

Доказательства «отравленного арахиса» были доставлены в лабораторию для проверки, и результаты показали, что арахис не был ядовитым. К счастью, это была всего лишь ложная тревога, и никто не отравился.

Только Ся Юйбинь и Чжоу Цянь отправились в больницу за желудочным зондом и набором для взятия проб крови.

Как известно, желудочный зонд — очень неприятная вещь, когда вставлен желудочный зонд. Ощущение переворачивания желудка при введении трубки в горловой отдел пищевода настолько мучительно, что хочется умереть. Надеюсь, такая боль заставит Ся Юйбиня и Чжоу Цяня осознать свои ошибки, изменить свой образ жизни и перестать запугивать слабых.

□

Из-за подозрений в подаче ложного полицейского отчета в этот момент Ся Циншу сидел в комнате для допросов, чтобы провести расследование.

Полицейский: «Зачем ты принес в школу отравленный арахис?»

Ся Циншу сел, положил руки на колени и прошептал: «Я не знаю, я попробовал один и обнаружил, что он странный на вкус, поэтому меня вырвало».

Арахис и фиолетовый картофель были приготовлены вместе, цвет выглядел немного странно, а вкус был особенно странным, и когда они впервые увидели это, они тоже подумали, что что-то не так.

Полиция наблюдала за полным наблюдением, которое показало, как Ся Циншу вынул арахис, съел один в одиночестве, затем его немедленно вырвало, и он пошел за водой, чтобы прополоскать рот. Прополоскав рот, он обнаружил, что арахис пропал, и искал его около десяти минут, прежде чем вызвать полицию.

Полицейский: «Почему ты сразу не вызвал полицию?»

Ся Циншу надулся и сказал «робко»: «Я боялся, что они будут издеваться надо мной и что надо мной будут издеваться еще больше, если я скажу учителю. Я знаю, что я глуп, и никто не захотел бы мне помочь, если бы надо мной издевались. Тогда я боялся, что они съедят арахис и

умрут, поэтому набрался смелости и позвонил».

Когда он закончил, он дважды моргнул, и по его лицу потекли слезы. Мужчина-полицейский был немного ошеломлен, и его заменила женщина-полицейский с конфетами, чтобы уговорить его: «Циншу хороший мальчик, Циншу не плачет, расскажи мне медленно, что ты знаешь, дядя полицейский поможет тебе, в следующий раз, когда над тобой будут издеваться, ты должен позвонить дяде в полицию и тете».

Ся Циншу всхлипнул: «Сестра-полицейский, в следующий раз, когда надо мной будут издеваться, я позвоню тебе. Потому что ты красивая и выглядишь как хороший человек».

Женщина-полицейский рассмеялась, и ее вопросы становились все мягче и мягче. Такой милый маленький студент, как он мог солгать и намеренно сделать фальшивый отчет. Он просто боялся быть избитым.

Даже если над ним издевались, он все равно беспокоился о жизни своего обидчика. В сердце женщины-полицейского Ся Циншу — милый ангелочек. Боясь, что в будущем над ним снова будут издеваться, женщина-полицейский терпеливо учила его: «Циншу, ты не можешь быть таким, так над тобой всегда будут издеваться. Ты должен быть смелым и сопротивляться, когда сталкиваешься с издевательствами».

Ся Циншу кивнул и сжал свой маленький кулачок: «Хорошо!»

□

В палате Ся Юйбинь и Чжоу Цянь лежали на больничной койке под капельницей после промывания желудка. Зная, что это было просто недоразумение и что арахис не был отправлен, медсестра удалила капельницу и сказала, что они могут покинуть больницу и вернуться домой.

Однако Чжоу Цянь и Ся Юйбинь не двигались. Чжоу Цянь даже натянул одеяло и накрыл голову. Видео с двумя лежащими на носилках, покрытыми рвотой, было размещено на форумах кампуса для групповых насмешек, и некоторые даже предположили, что семьи Чжоу и Ся обанкротились и должны были красть еду у своих одноклассников.

Это было позором для их семей.

Они не могли ходить в школу по крайней мере неделю, по крайней мере, пока не утихнет накал этой истории.

— Собирайся и едь домой.

У дверей палаты стоял симпатичный мужчина в костюме, брови у мужчины были острые, не

так, как будто он посещал не больного, а человека, который с наглостью планирует завладеть его территорией.

Посетитель был старшим братом Ся Юйбиня, администратором этой частной больницы.

— Старший брат, ты пришел забрать меня? Когда Ся Юйбинь увидел Ся Шаня, его глаза на мгновение вспыхнули, и он попытался приподняться, но на полпути он слабо лег обратно.

Ся Шань взглянул на Ся Юйбиня и нахмурился: «Доктор сказал, что ты в порядке».

После паузы он добавил: «Я здесь, не чтобы забрать тебя. Я пришел за кое чем».

Деловой тон был безжалостен. Ся Юйбинь опустил глаза: «Старший брат, я не останусь здесь».

«Никто не выгонит тебя, даже если ты не.....» Ся Шань перевернул свои слова и предупредил: «Ты запугивал своего одноклассника в школе?»

Ся Юйбинь поспешно объяснил: «Нет, мы просто шутили».

— Шутили? Ся Шань сузил глаза, но испытываемость в его глазах не уменьшилась наполовину. Шутка свела семью с ума.

«Я не буду развращать семью». Ся Юйбинь склонил голову, обнажая свою белоснежную шею.

К тому времени, когда он снова поднял голову, Ся Шань уже вышел.

□

В VIP-палате для пожилых Чэнь Чжуйюй лежал на диване.

— Ты свободен, чтобы поговорить со мной?

Ся Шань был доктором психологии и присоединился к руководству Ся сразу после выпуска. Хотя в больнице он не сидел, его друзья любили поговорить с ним, когда у них были какие-то психологические проблемы.

Ся Шань достал из шкафа бутылку красного вина, открыл ее и налил вино в бокал. Чэнь Чжуйюй взял бокал с красным вином, встряхнул его, посмотрел, как красная жидкость, висящая на стенке стакана, медленно падает вниз, и вздохнул: «Почему в этом мире все еще есть люди, которые стремятся дистанцироваться от меня?»

Чэнь Чжюй был самым богатым человеком в Китае в молодом возрасте, красивым, и его трафик был даже больше, чем у нынешнего высшего потока, и он был светом тысяч мужских и женских сердец, и его имя было «кодом богатства» Китая.

Он действительно не мог понять, почему Ся Циншу может быть таким. Он должен был удивиться, когда лично подошел к нему, а потом должен был быть вне себя от радости и, наконец, попытаться вернуться в его постель, мечтая перелететь через ветки и стать фениксом. Однако ничего из этого не произошло, и Ся Циншу захотел убежать, когда увидел его.

Думая об этом раздражающем сливочно-лимонном запахе, Чэнь Чжюй слегка нахмурил брови.

— Ты опьянел еще до того, как выпел? Ся Шань улыбнулся и сделал небольшой глоток красного вина.

Чэнь Чжюй проигнорировал другого мужчину и вздохнул, глядя на свое отражение в бокале с красным вином: «Я не могу понять».

"Скажи мне, что не так?" Ся Шань сел напротив него, впервые увидев Чэнь Чжюя в таком виде и найдя это очень редким.

«Другой стороне я явно нравлюсь, но он боится приближаться». Чэнь Чжюй сделал глоток красного вина и слегка нахмурился: «Может ли быть что-то невыразимое?»

Он кратко описал, что произошло в тот день: «Занимался сексом, не признавался... отрицание было твердым, не похоже на ложь».

«Он не мог играть недотрогу, верно?»

С глупым видом Ся Циншу, использующим такую продвинутую тактику, он не может справиться. Может быть, Ся Циншу старался изо всех сил, чтобы получить игру, но он отвлекся? Чем больше он думал об этом, тем более правильным он себя чувствовал.

Чэнь Чжюй встряхнул свой бокал с красным вином, когда туман перед ним рассеялся, и он увидел свет. Он уверенно сказал: «Это должно быть так».

Ся Шань поставил бокал с вином, опустил воротник Чэнь Чжюя, увидел следы от ногтей, которые не исчезли, и рассмеялся: «Что так сложно понять, тебя использовали для секса».